

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1986.2.05>

Прийт ЛИГИ

О ВОДИ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ

В последние годы в связи с археологическим исследованием Северо-Запада России среди ученых возрос интерес к археологическим памятникам воды. При этом, однако, в науке нет единого мнения о том, какие памятники следует связывать с водой.¹ Разрешение этой проблемы важно и с точки зрения исследования этногенеза эстонцев, поскольку данные различных смежных дисциплин указывают на водские явления в духовной и материальной культуре Северо-Восточной и Восточной Эстонии. Комплексные данные о воде на территории Эстонии одновременно позволяют пролить свет и на более общие вопросы древней истории водского народа в целом. В настоящей статье дается обзор нынешней стадии исследования проблематики, связанной с участием воды в этногенезе эстонцев.

В средневековых письменных источниках имеется несколько упоминаний о водских жителях Нарвы и ее окрестностей. В 1432 г. отмечается, что прибывающие из Финляндии в Нарву шведские шпионы одеваются так же, как вожане, чтобы не отличаться от местных жителей. К 1544 г. относится известие о том, что т. н. немецкое население Нарвы является вожанами (*gusche wathen*). То же самое повторяется в 1549 г.² Есть все основания полагать, что немецкое население Нарвы сформировалось главным образом из крестьян Северо-Восточной Эстонии, а не из выходцев из Новгородской земли. Термин «*gusche wathen*» обусловлен скорее всего языковой и культурной близостью местного населения с водью к востоку от р. Наровы. В пользу такого предположения говорит и сообщение И. Реннера в его Ливонской хронике, что крестьяне окрестностей Нарвы являются кровными родственниками крестьян с восточного берега р. Наровы и дружат с ними.³ О проживании в Северном Причудье воды свидетельствует известие Никоновской летописи под 1558 г. о населении Сыренецкого уезда (Васкнарвского фогтства).⁴ По мнению Х. Моора и А. Моора, название «баты» означает воды. Можно думать, что в данном случае мы имеем дело с искажением немецкого названия воды — *waten*.⁵

В средневековых, а также в более поздних письменных источниках встречаются добавочные имена у крестьян в основном из Северо-

¹ См., напр.: *Концевий В. Я., Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли. — В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984, с. 161—167. Там же приведена соответствующая литература.

² *Süvalep, A.* Narva ajalugu I. Taani- ja orduaeg. Narva, 1936, с. 185, 276; *Ariste, P.* Vadjalatest Narvas 1549. aastal. — Keel ja Kirjandus, 1961, № 9, с. 543.

³ *Renner, J.* Livländische Historien 1556—1561. — Veröffentlichungen der Lübecker Stadtbibliothek, neue Reihe, 1953, 2, с. 26.

⁴ Полное собрание русских летописей, 13 : 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб, 1904, с. 299.

⁵ *Моора Х., Моора А.* Из этнической истории воды и ижоры. — В кн.: *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo*. Tallinn, 1965, ссылка 18.

Восточной и Восточной Эстонии, которые связаны с этнонимом води. В одних случаях добавочное имя, по-видимому, прямо указывает на происхождение крестьянина с территории води⁶, в других же связано с местной, более древней традицией. Вторая возможность правдоподобна прежде всего в отношении Восточной Эстонии, где такие имена происходят от названий хуторов (Вайа, Вади и т. д.). Последние получили эти названия, по-видимому, потому, что их основателями являлись вожане.⁷

Видное место в рассматриваемой проблематике занимают вопросы о водской топонимике Эстонии и водских явлениях в восточном и северо-восточном прибрежном диалектах эстонского языка. Ареал распространения восточного диалекта в значительной степени совпадает с границами древней земли Вайа, название которой давно интересует исследователей. Хотя существуют различные точки зрения по поводу его происхождения, всеми признается его этимологическая связь с этнонимом води. Л. Кеттунен поместил в пределы земли Вайа особое прибалтийско-финское племя, от которого и происходят водские племена.⁸ Ю. Мягистэ считает, что в древности территория води охватывала земли и к западу от Чудского озера.⁹ П. Аристэ объясняет водские явления в восточном диалекте переселением части води в Западное Причудье, а в северо-восточном прибрежном диалекте — общим происхождением последнего и водских диалектов.¹⁰ Как и Х. Моора, П. Аристэ полагает, что водь в основном переселялась дважды — во второй половине I тыс. и в первые века II тыс. По мнению исследователя, на это указывает характер топонимов, этимологически связанных с этнонимом води.¹¹ П. Аристэ считает, что со второй половины I тыс. происходят названия древнеэстонской земли Вайа и деревень Вайату, Ваекюла и Вайа. В это время этнонимом води был *vajjalai-põp*. После того как в водском языке произошел переход — *jj->-d'd'*, этнонимом води стал *vad'd'alainõn*. С этого времени ведут свое начало, согласно П. Аристэ, названия деревень Вади, Вадикюла, Вадяту и названия хуторов Вади и Вадира. В основном эти топонимы распространяются в Восточной Эстонии. По всей видимости, с водью каким-то образом связано и название д. Вайвара в Северо-Восточной Эстонии, непосредственно соседствующей с основной территорией води.

Разделение перечисленных топонимов на два хронологических пласта все же вызывает определенные возражения. Во-первых, неизвестно время происхождения перехода *-jj->-d'd'*. Первые упоминания о Вод-

⁶ В Северном Причудье в д. Тяревере около 1330 г. жил *Thoyuodas Wadj* (*Johansen, P. Beiträge zur älteren estnischen Agrargeschichte. — Beiträge Estlands XIII. Reval, 1928, с. 152*). В прибрежной части Северо-Восточной Эстонии в д. Вока в 1583 г. жили пять крестьян с добавочными именами *Wadttelain, Wattilain* или *Wattilane* (*Moora, A. Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn, 1964, с. 42*). По устным данным Х. Лиги, в источниках 16 в., хранящихся в Государственном архиве Швеции, таких добавочных имен можно найти и больше (напр., *Waddi Terpe* в д. Сытке, *Waddi Teuß* в д. Пяйте (?) (*Petküll*)).

⁷ *Ariste, P. Vadja kohanimedes. — В кн.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo. Tallinn, 1965, с. 100; Pall, V. Maahanmuuton jälkiä Pohjois-Tartumaan paikannimissä. — Virittäjä, 1970, № 1, с. 14—16.*

⁸ *Kettunen, L. Über das Verhältnis der ostseefinnischen Sprachen und die vorgeschichtliche Gruppierung der entsprechenden Völker. — Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1938. Tartu, 1940, с. 105, 106, 116.*

⁹ *Mägiste, J. Tšuidien kansallisuusnimen alkuperän ongelma suomen suudin, vir. suue 'kiila'. — Virittäjä, 1950, № 1, с. 75.*

¹⁰ *Ariste, P. Происхождение водского языка. — Уч. зап. Тартуск. ун-та. Филологические науки 4. Советские финно-угорские науки 3. Tartu, 1947, с. 42—45; *Ariste, P. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 20, 21; *Ariste, P. Vadja keele ja eesti murrete suhetest. — В кн.: Sõna sõna kõrvale. Tallinn, 1965, с. 106—110.***

¹¹ *Ariste, P. Vadja kohanimedes, с. 94—101.*

ской земле в письменных источниках 11—12 вв. (Вочкая земля, *Wattland*) указывают, что уже в это время использовался этноним *vad'd'alainõn*. Во-вторых, сам П. Аристе приводит данные о том, что обе формы этнонима води параллельно существовали вплоть до 20 в. как у самих вожан, так и у эстонцев.¹² В-третьих, курганный могильник у д. Вади (Северо-Западное Причудье), ранее считавшийся памятником 12—13 вв. и приводимый П. Аристе археологическим подтверждением языковых построений, относится, как сейчас выяснилось, ко второй половине I тыс.

На вопрос, как возникло название древней земли Вайа, П. Аристе предлагает два возможных ответа. Согласно первому, причиной послужили водские переселенцы, согласно второму, Восточная и Северо-Восточная Эстония вместе с Водской землей изначально представляли собой единую этническую область.¹³ Второе объяснение согласуется с точкой зрения некоторых других лингвистов (А. Саарестэ, В. Палль, Т.-Р. Вийтсо), которые предполагают, что восточный и северо-восточный прибрежный диалекты и язык води в древности составляли общую диалектную группу.¹⁴ На основе анализа встречаемости водских явлений в восточном и соседних ему эстонских диалектах В. Палль заключает, что их можно объяснить и без предположения иммиграции. Полагая, что происхождение названия земли Вайа обязано родственности и тесным связям между жителями Северо-Восточной Эстонии и Водской земли, В. Палль в то же время не исключает возможности, что названия отдельных объектов с составной частью *vai* или *vadja* указывают на водских переселенцев.¹⁵ Характерно, что подобные топонимы встречаются в тех районах Эстонии, где предполагаемые водские пришельцы поселились среди эстонцев. В Северном Причудье, где в древности можно предположить существование компактно проживавшего водского населения, таких топонимов нет. Зато все названия тамошних деревень, возникших до 16 в., имеют прибалтийско-финское происхождение. А. Моора полагает, что некоторые из них имеют водское происхождение (Йюуга, Пермискюла, Васкарна, Вихтсе).¹⁶ У д. Йюуга находится крупный курганный могильник первой половины II тыс.

В Северном Причудье (Ийзаку) соприкасаются восточный и северо-восточный прибрежный диалекты эстонского языка. Использование языковых данных для этнических выводов в данном случае, однако, затруднительно, поскольку местное население в течение нескольких столетий было двуязычным, т. е. владело как эстонским, так и русским.¹⁷

Приступая к рассмотрению этнографических данных, следует отметить, что в народной культуре води и эстонцев, как и в языке, много общих явлений, ведущих свое начало с тех времен, когда водские и эстонские племена составляли еще определенную этнокультурную общность. Здесь представляют интерес общие прежде всего для Северо-Восточной и Восточной Эстонии, а также Водской земли явления.

В 19 в. в народной одежде двуязычного населения Северного При-

¹² *Ariste, P. Vadja kohanimedes*, с. 93.

¹³ Там же, с. 94.

¹⁴ *Saareste, A. Kaunis emakeel*. Lund, 1952, с. 109; *Pall, V. Põhja-Tartumaa kohanimed II*. Tallinn, 1977, с. 14—18; *Pall, V. Idamurde vahekorraast naabermurretega ja vadja keelega*. — *Keel ja Kirjandus*, 1982, № 5, с. 246—251; *Viitso, T.-R. Läänemeresoome esimese silbi õ ajalugu*. — *Keel ja struktuur 10*. Tartu, 1978, с. 100.

¹⁵ *Pall, V. Põhja-Tartumaa kohanimed II*, с. 229, 230; *Pall, V. Idamurde vahekorraast naabermurretega*, с. 251.

¹⁶ *Moora, A. Peipsimaa etnilisest ajaloost*, с. 39—41.

¹⁷ *Must, M. Vene-eesti kakskeelsus Kirde-Eestis*. — В кн.: *Slaavi-läänemeresoome suhte ajaloo*. Tallinn, 1965, с. 107—131.

чудья, которая в общем была сходна с русской, встречались и ижорско-водские элементы. По данным А. Моора и А. Воолмаа, местные замужние женщины, как и у води и эстонцев, всегда покрывали голову, причем головным убором служили полотенца (повой), которые покроем и способом ношения напоминали ижорско-водские *sarapa*¹⁸. Украшения передней части верхней одежды *komušel* были сходны с такими же украшениями ижорских женщин.¹⁹ Характерной частью женской одежды был трапецевидный кусок белой или синей шерстяной ткани, который прикреплялся к поясу сзади и соответствовал, по мнению А. Моора и А. Воолмаа, мордовскому *пулакш* и назадникам других финно-угорских народов.²⁰ Согласно Э. Эпик, прямым соответствием следует считать ижорский *selgävyy*.²¹ На основе археологического материала С. Лаул пришла к заключению, что такой элемент женской одежды был распространен в 13—14 вв. и в Восточной, и в Южной Эстонии.²² Зимой женщины Северного Причудья, как и ижорки, наворачивали на голени красные шерстяные обмотки.²³ Таким образом, ряд элементов в местной народной одежде связывает ее даже больше с народной одеждой ижоры, чем води. Нужно, однако, учитывать, что часть води очень рано восприняла от ижоры ряд черт народной одежды, о чем свидетельствует народная одежда кривин, потомков води, насильственно переселенных Ливонским орденом в Латвию во время войны с Новгородом в 1444—1447 гг.²⁴ С другой стороны, нельзя исключать и такую возможность, что ижорцы дольше сохраняли некоторые элементы одежды, в древности воспринятые от води.

Некоторые общины с водской народной одеждой черты свойственны и народной одежде жителей Люганузе, Йыхви и Вайвара — ареала распространения северо-восточного прибрежного диалекта. Обычным украшением наплечников, шейных вырезов и поясов женских рубах служила белая прямая строчка и простая мережка, которые называли «мышинными следами» или «мышинной дорожкой». Такие же украшения с такими же названиями встречались и у води, и у ижоры.²⁵ Имеются также сведения о своеобразных набедренных украшениях местных женщин, напоминающих водско-ижорские набедренники.²⁶

В Западном Причудье (Кодавере) женская народная одежда долго сохраняла ряд элементов старины (что характерно и для води²⁷). Кодавереские женщины долго носили несшитую поясную одежду и архаичные головные уборы. Подобно водским и ийзакусским женщинам, они употребляли серги. Молодица в Кодавере в первый год замужества носила налобное украшение с подвесками из монет (*näre*).²⁸ Особые

¹⁸ Moora, A. Eesti ja vene elemendid Eesti NSV kirdeosa elanikkonna materiaalses kultuuris. — Изв. АН ЭССР, 1953, № 2, с. 208; Воолмаа А. Народная одежда смешанного русско-эстонского населения южной части Йыхвиского района. — Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, XXIII. М., 1954, с. 160—162.

¹⁹ Воолмаа А. Народная одежда, с. 160—162.

²⁰ Moora, A. Eesti ja vene elemendid, с. 208; Моора А. Х. Об историко-этнографических областях Эстонии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 263; Воолмаа А. Народная одежда, с. 162.

²¹ Orik, E. Vadjalastest ja isuritest XVIII sajandi lõpul. Tallinn, 1970, с. 130.

²² Laul, S. Tagapõll muinaseesti naise rõivastuses. — В кн.: Eesti ajaloo probleeme. Tallinn, 1981, с. 76—84.

²³ Воолмаа А. Народная одежда, с. 163.

²⁴ Manninen, I. Kreevini rahvariie ja selle etnograafiline sugulus. — Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat I. Tartu, 1925, с. 128—133.

²⁵ Voelmaa, A. Täiendavaid andmeid Kirde-Eesti naiste rahvarõivaste kohta. — Etnograafiamuuseumi Aastaraamat XVIII. Tallinn, 1962, с. 219, 220.

²⁶ Там же, с. 224.

²⁷ Orik, E. Vadjalastest ja isuritest, с. 31.

²⁸ Hüpel, A. W. Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, II. Riga, 1777, с. 177—182; Моора А. Х. Об историко-этнографических областях Эстонии, с. 256, 257.

головные уборы, характеризующие возрастное и семейное положение женщины, присущи некоторым финно-угорским народам, в том числе и води.²⁹

Ряд общих для Северо-Восточной и Восточной Эстонии и Водской земли явлений имеется и в деревянной архитектуре. В деревнях с двуязычным населением Северного Причудья в 19 в., подобно остальной Эстонии, в качестве жилой постройки служила рига.³⁰ По предположению Г. Рянка, в древности и вода использовала жилое помещение в качестве риги.³¹ По данным А. Моора, в деревянной архитектуре Северного Причудья наблюдаются некоторые древние черты прибалтийско-финского происхождения.³² При возведении клетей и жилых риг использовался особый строительный прием — т. н. граненый угол. Такой прием особенно характерен для юго-восточной части Эстонии, но применялся он и на северо-восточном побережье, и на о. Сааремаа,³³ а вне Эстонии был свойствен скандинавской, водской и ижорской деревянной архитектуре.³⁴

Северо-Восточное побережье Эстонии связывают с Водской землей еще такие явления, как общее название открытого очага перед печью (водское *arina*, эст. *arin*), тип полога (водское *uulimõ*, эст. *uudi*)³⁵ и иногда встречающееся одинаковое расположение топочного отверстия у задней стены бани с рядом стоящим полком.³⁶ Общими для Северо-Восточной и Восточной Эстонии и Водской земли являются определенный порядок расположения надворных построек и название клетки (*ratiz*).³⁷ Восточную Эстонию и Водскую землю объединяют, кроме того, одинаковые резные украшения в виде птичьих головок на дымоволоках в первой и на крышах во второй, а также традиция забрасывать банные веники на крыши в Иванов день. Часть из перечисленных явлений Т. Хабихт прямо связывает с водской иммиграцией в Эстонию.³⁸ С другой стороны, они, как и рассмотренные выше языковые явления, могут быть интерпретированы как свидетельства об этнокультурной близости населения данных районов с водью.

Согласно Х. Тампере, в народных обычаях Северо-Восточной и Восточной Эстонии, связанных со скотоводством, имеется ряд сходных черт, объединяющих их с Ингерманландией, Восточной Финляндией, Карелией и Новгородчиной.³⁹ Судя по имеющемуся в хронике К. Кельха сообщению, население Причудья еще в 17 в. поклонялось каким-то культовым столбам или сваям.⁴⁰ А. Моора ставит вопрос о том, не от подобных ли культовых свай получила вода свое название.⁴¹ Некоторые общие явления в фольклоре (пословицы и народные рунические

²⁹ *Öpik, E. Vadjalastest ja isuritest*, с. 35, 36, 87, 95, 96, 99.

³⁰ *Моора А.* Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР. — Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, XXIII. М., 1954, с. 147.

³¹ *Ränk, G. Vadjalaiset*. Helsinki, 1960, с. 132.

³² *Моора А. Х.* Об историко-этнографических областях Эстонии, с. 280.

³³ *Моора А.* Русские и эстонские элементы, с. 146; *Eesti arhitektuuri ajalugu*. Tallinn, 1965, с. 382; *Habicht, T. Vadjaja-isuri rahvaarhitektuuri eripärad*. — В кн.: *Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi*. Tallinn, 1982, с. 29.

³⁴ *Ränk, G. Vadjalaiset*, с. 73, 74.

³⁵ Там же, с. 54, 58.

³⁶ *Habicht, T. Vadjaja-isuri rahvaarhitektuuri eripärad*, с. 27, 28.

³⁷ *Ränk, G. Vadjalaiset*, с. 65, 132; *Habicht, T. Vadjaja-isuri rahvaarhitektuuri eripärad*, с. 28.

³⁸ *Habicht, T. Vadjaja-isuri rahvaarhitektuuri eripärad*, с. 29.

³⁹ *Tampere, H. Kirde-Eesti rahvakalendri iseärasusi I*. — В кн.: *Slaavi-läänemeresoomete suhete ajaloo*. Tallinn, 1965, с. 248, 249.

⁴⁰ *Kelch, C. Livländische Historia. Continuation 1690 bis 1707*. Dorpat, 1875, с. 584, 585.

⁴¹ *Moora, A. Peipsimaa etnilisest ajaloo*, с. 40.

песни) Восточной и Северо-Восточной Эстонии и Водской земли также свидетельствуют о древней общности племен на этих территориях.⁴² Определенную роль сыграли, по всей видимости, и более поздние контакты.

Обратимся к данным археологии и антропологии. Эстонские археологи традиционно связывают с водью три вида погребальных памятников на территории Эстонии: курганы культуры длинных курганов Западного и Северного Причудья, курганно-жальничные могильники первой половины II тыс. Северного Причудья и грунтовые могильники с каменной кладкой 14—15 вв. Западного Причудья. Если Х. Моора считал, что они оставлены переселенцами из Восточного Причудья, то по мнению С. Лаул и Э. Тыниссона, они принадлежат коренному населению.⁴³ Имеющиеся сейчас в распоряжении исследователей данные об этих могильниках пока не позволяют окончательно решить вопрос об их происхождении, но на сегодняшний день предположение Х. Моора представляется более правдоподобным. В Западном Причудье сейчас известны 8 могильников культуры длинных курганов с сохранившимися 2 длинными и 26 круглыми насыпями, а в Северном Причудье — 8, 1 и 22 соответственно. В первом районе в трех могильниках исследованы один длинный и семь круглых курганов, во втором в одной группе три круглых.⁴⁴ Число погребений в раскопанных курганах — от одного до четырех. По имеющимся данным можно констатировать, что население, оставившее курганы, было крайне малочисленным, а время использования могильников — недолгим. Небольшое количество длинных насыпей и погребальный обряд указывают на сравнительно поздние даты рассматриваемых могильников — видимо, не ранее 8 в.

Примечательно, что курганы Западного Причудья непосредственно соседствуют с ареалом каменных и грунтовых могильников. Курганные могильники располагаются двумя «гнездами» — по р. Кяэпа (пять могильников) и в окрестностях Кокора и Саваствере (три могильника). Первая группа находится между Чудской низиной и Саадъярвским друмлиновым полем, в лесистой переходной зоне, характеризующейся обилием камов, вторая — на лесистой окраине Кодаввереской моренной равнины, недалеко от древней Алатскивической долины, на вершине и склонах озовых гряд. Кодаввереская моренная равнина была обжита иным в этнокультурном отношении населением, погребальными памятниками которого в I тыс. были каменные, позднее же наряду с ними и грунтовые могильники.⁴⁵ Несколько отличалась, очевидно, и хозяйственная деятельность двух этнических групп. Могильники культуры длинных курганов в Северном Причудье расположены

⁴² *Mälik, V. Vадja vanasõnad.* Tallinn, 1977, с. 32—38; *Салве К., Рюйтел И.* Трудовые и календарные песни северной части Тартумаа. — В кн.: Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986.

⁴³ *Моора Х. А., Моора А. Х.* К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. — Советская этнография, 1960, № 3, с. 30—32; *Laul, S. Vадja hõimude kujunemisest.* — В кн.: Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi. Tallinn, 1982, с. 18—22; *Eesti esiajalugu.* Tallinn, 1982, с. 206, 299, 300, 416. Курганы первой половины II тыс. относит к пришлому населению и В. Труммал (*Trummal, V. Lisanideid vадja materiaalse kultuuri uurimisele Kirde-Eestis.* — В кн.: *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora.* Tallinn, 1970, с. 213—217). Ю. Селиранд относит курганы с трупосожжениями в Западном Причудье к пришлому из Юго-Восточной Эстонии населению (*Селиранд Ю.* Курганы второй половины I тысячелетия в Западном Причудье. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1965, № 4, с. 479—482).

⁴⁴ Раскопки А. Вассара и Ю. Селиранда в Западном Причудье (*Селиранд Ю.* Курганы... в Западном Причудье, с. 471—485) и совместные раскопки М. Аун и П. Лиги в 1983—1984 гг. в Северном Причудье у д. Леммаку.

⁴⁵ *Lavi, A. Über die archäologischen Untersuchungen in Lahepera im Jahre 1978.* — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1980, № 4, с. 361—367.

в лесистой низине Чудского озера, неподалеку от ареала каменных могильников в возвышенной части Эстонии.

Наконец, ни в Западном, ни в Северном Причудье невозможно установить связи между курганами с сожжениями и более поздними погребальными памятниками. В Западном Причудье их отделяет от грунтовых могильников с каменной кладкой не менее трех столетий, да и территориальная удаленность их достаточно велика. В данный момент не известны погребальные памятники, которые заполнили бы данный хронологический пробел и послужили бы связующим звеном. Правда, в грунтовых могильниках Лахепера и Раатвере А. Лави обнаружил два женских захоронения 11—12 вв., погребальный инвентарь которых включал и проволочные височные кольца с завитком на одном конце.⁴⁶ Скорее всего данные погребения все же следует рассматривать как свидетельства о культурной близости коренного населения Восточного и Западного Причудья (Кодавере). Кроме того, в Раатверском могильнике были обнаружены некоторые грунтовые трупосожжения 10—11 вв.⁴⁷ Вряд ли, однако, эти трупосожжения можно интерпретировать как противостоящие одновременным трупосожжениям в каменных могильниках, сменивших курганные захоронения. Можно полагать, что окрестности Раатвере заселялась относительно поздно и более ранних каменных могильников здесь попросту не могло быть.

В Северном Причудье хронологический пробел между курганами обоих типов короче, но составляет все же не менее столетия.

Все изложенное говорит в пользу принадлежности данных курганов пришлому населению, обжившему незанятые коренными жителями окраинные земли. Очевидно, переселение части носителей культуры длинных курганов в Западное и Северное Причудье связано с расширением и уплотнением заселения в ареале этой культуры. В Западном Причудье пришлое население вскоре, видимо, ассимилировалось, в Северном же Причудье дальнейшая судьба переселенцев остается неясной. Кроме того, не известно, можно ли рассматриваемые курганы отнести к южной воде. Х. Моора приводил в качестве доказательств водской принадлежности языковые и топонимические данные, но, как мы видели, точки зрения лингвистов относительно интерпретации последних сейчас расходятся. Но и в том случае, если водские явления в восточном диалекте обусловлены не водским суперстратом, нельзя исключать водскую принадлежность интересующих нас курганов. Во-первых, не ясно, какой вообще могла быть роль предполагаемых немногочисленных переселенцев в формировании восточного диалекта. Во-вторых, следует учитывать, что язык воды в Восточном Причудье должен был несколько отличаться от диалектов более северных водских племен, данные о языке потомков которых доступны лингвистам. В-третьих, не известно, где проходила южная граница водских племен. Правда, возможно и то, что говорить о водских племенах во второй половине I тыс. вообще неправомерно. В этой связи примечательна точка зрения Ю. Мягистэ, согласно которой этнонимы «водь» и «чудь» имеют одинаковое значение 'свая, клин'.⁴⁸

Курганы с труположениями в Северном Причудье в целом сходны с такими же курганами в Северо-Восточном Причудье и на Ижорском плато. Самые ранние насыпи в Кунингакюла, на левом берегу р. Наровы, относятся, видимо, к середине 11 в. В центральной части Северного Причудья, на Ийзаку-Иллукасских грядках, курганы с труположениями появляются не раньше конца 11 в. (могильники у д. Йюу-

⁴⁶ Lavi, A. Über die archäologischen Untersuchungen in Lahepera, с. 366, табл. VIII, 1.

⁴⁷ Lavi, A. Peets, J. Zur archäologischen Forschung Ostseestlands. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1985, № 4, с. 361.

⁴⁸ Mägiste, J. Tõudien kansallisuusunimen alkuperän ongelma, с. 74—79.

га и в Куремяэ). Несколько более поздние их даты по сравнению с самыми ранними датами курганов в Кунингакюла, в Северо-Восточном Причудье и на Ижорском плато⁴⁹, возможно, указывают на принадлежность Ийзаку-Иллукаских* могильников пришлому с востока населению.

Погребальный инвентарь из курганов Северного и Северо-Восточного Причудья и Ижорского плато содержит вещи как прибалтийско-финские, так и древнерусские, отчего его использование для этнических выводов при малочисленности сведений об устройстве и погребальном обряде большинства раскопанных насыпей затруднительно. Этими обстоятельствами и обусловлены расхождения во взглядах на этническую принадлежность данной курганной культуры. Как мы видели, топонимические и этнографические сведения, а также сообщение Никоновской летописи свидетельствуют о существовании в древности в Северном Причудье водского населения. В пользу того, что это водское население следует связывать именно с курганно-жальничными могильниками, говорят некоторые археологические данные. По всей видимости, обряду труположений предшествовал иной обряд захоронения — рассыпание сожженных останков мертвых и погребального инвентаря, часть которого нарочито портили, по поверхности предвзвешенно выжженной земли. О существовании такого обряда позволяют судить некоторые случайные находки из Кунингакюла и Ольгина Креста (правобережье р. Наровы), а также исследованное в д. Йюуга трупосожжение.⁵⁰ Распространение в Северном Причудье курганного обряда нельзя связывать с появлением там славянского населения. Во-первых, для немногочисленных исследованных наиболее ранних курганных захоронений характерен прибалтийско-финский вид погребального инвентаря и в основном северная, северо-восточная или восточная ориентировка. Последняя характерна для водских погребений на Ижорском плато.⁵¹ Во-вторых, находки текстиля из курганов в Йюуга и Ольгина Креста указывают, по мнению Ю. Пётса, на существование у местного населения обычая надевать на руки умерших специальные перчатки. Такая традиция свойственна прибалтийско-финским народам.⁵²

На водь указывают, наконец, и данные антропологии. Антропологический тип черепов из курганов Северного Причудья, согласно К. Марк, — мезокранный с умеренно выступающим носом.⁵³ В то время к сходному антропологическому типу принадлежало население Юго-Восточной Эстонии и часть населения с территории нынешнего Печорского района Псковской области.⁵⁴ Особенности этого типа обусловлены, по мнению К. Марк, сохранением некоторых черт протолапоноидного типа, характерного в эпоху неолита для племен культуры гребенчато-ямочной керамики, предков прибалтийско-финских наро-

⁴⁹ Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 65—74.

⁵⁰ Ligi, P. Über die Bestattungsart im Hügelgräbelfeld von Jõuga. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1983, № 4, с. 334.

⁵¹ Рябинин Е. А. Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам работ Ижорской экспедиции). — Краткие сообщения Института археологии, 1981, вып. 166, с. 31—33.

⁵² Peets, J. Über die Handschuhe in ostseefinnischen Grabsitten (auf Grund des estnischen archäologischen und ethnographischen Materiales). — Fennoscandia Archaeologica, 1986, № 3 (в печати).

⁵³ Марк К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 235.

⁵⁴ Марк К. Ю. Палеоантропология Эстонской ССР. — Труды Института этнографии АН СССР, 32. М., 1956, с. 191.

дов.⁵⁵ Остальной краниологический материал из грунтовых могильников Эстонии 11—13 вв. относится к иному типу, для него свойственны более длинная голова и более высокое лицо.⁵⁶

Череп из Северного Причудья имеют большое сходство с черепами из курганов и жальников Ижорского плато и Северо-Восточного Причудья. В. В. Седов делит последние на два типа, связывая один со словенцами, второй же с водью. Водские черепа отличаются от словенских главным образом более широким лицом и менее выступающим носом.⁵⁷ По остальным признакам обе серии достаточно близки.⁵⁸ Сравнение черепа из погребений Северного Причудья с двумя группами, выделенными В. Седовым, К. Марк пришла к заключению, что по форме лица и носа черепа из Северного Причудья имеют переходный облик, но все же несколько ближе к водскому.⁵⁹ Если сопоставить средние данные о всех признаках словенской и водской серий с данными о черепах из Северного Причудья⁶⁰, то оказывается, что никакой закономерности в том, какое место в отношении двух групп занимают черепа из курганов Северного Причудья, нет. В большинстве случаев они занимают даже крайнее положение, причем к промежуточному типу можно отнести как словенские, так и водские черепа. Проведение такого же сопоставления с заменой данных о черепах словенской группы данными о черепах длинноголовых высоколицых эстонцев⁶¹ показывает, что черепа из Северного Причудья почти по всем признакам занимают промежуточное место, хотя и стоят значительно ближе к черепахам воды. Нельзя ли в таком случае некоторое отличие черепов обитателей Северного Причудья от черепов воды объяснить географической изменчивостью антропологического состава населения по направлению с запада на восток? Для ответа на этот вопрос необходимы новые краниологические материалы как из Эстонии, так и с Водской земли.

Согласно К. Марк, черепа из грунтового могильника в Ийзаку указывают на то, что в 16—18 вв. для населения Северного Причудья был характерен такой же антропологический тип, как и прежде. В отличие от более ранних черепов из Йюуга и Куремяэ, ийзакусские характеризует меньшая монголоидная примесь.⁶² Очевидно, это связано с некоторым изменением этнического состава местного населения в результате иммиграции переселенцев из сопредельных территорий после Ливонской и Северной войн.⁶³ Соматологические данные Ю. Ауля указывают на преобладание среди населения данного района восточнобалтийского антропологического типа.⁶⁴ Сходный антропологический состав характерен и для современной воды в Ленинградской области.⁶⁵

⁵⁵ Марк К. Вопросы этнической истории, с. 235.

⁵⁶ Там же, с. 233, 234.

⁵⁷ Седов В. В. Антропологические типы населения «северо-западных земель Великого Новгорода». — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, 1952, № 15, с. 76—78.

⁵⁸ См.: там же, табл. 1, 2. Средние данные этих серий приводит К. Марк (*Mark, K. Ida-Eesti 11.—18. sajandi rahvastiku antropoloogia*, — В кн.: *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo*. Tallinn, 1965, табл. 6).

⁵⁹ Марк К. Ю. Вопросы этнической истории, с. 234; Марк К. Антропология прибалтийско-финских народов. Таллин, 1975, с. 54.

⁶⁰ См.: *Mark, K. Ida-Eesti rahvastiku antropoloogia*, табл. 6.

⁶¹ См.: там же, табл. 5 и 6.

⁶² Там же, с. 159, 160, 164, 165, 168.

⁶³ См.: *Mõora, A. Peipsimaa etnilisest ajaloost*, с. 45—50, 65—80.

⁶⁴ Ауль Ю. Антропология эстонцев. — Уч. зап. Тартуск. ун-та, вып. 158. Тр. по антропологии II. Тарту, 1964, с. 347—349, рис. 65.

⁶⁵ Ауль Ю. Антропологические исследования воды и ижорцев на западе Ленинградской области. — Уч. зап. Тартуск. ун-та, вып. 155. Тр. по антропологии I. Тарту, 1964, с. 152.

Правда, материалы, собранные К. Марк, несколько расходятся с данными Ю. Ауля и указывают на европеоидность современного населения Северного Причудья.⁶⁶ Возможно, что эти расхождения обусловлены смешанным антропологическим составом нынешнего населения в рассматриваемом районе. В то же время одонтологические исследования свидетельствуют о том, что современному населению свойствен т. н. северный грацильный тип, связанный с восточными прибалтийскими финнами, причем в Эстонии этот тип наиболее распространен именно в Северном Причудье.⁶⁷

На основе приведенных фактов можно заключить, что курганно-жальничные могильники Северного Причудья в целом принадлежат воде. Следовательно, и сходные с ними курганные древности Северо-Восточного Причудья и Ижорского плато следует рассматривать в качестве полноценных источников древней истории воды.

Третий вид интересующих нас погребальных памятников — грунтовые могильники с каменной кладкой Западного Причудья (у деревень Вялги, Кусма и Мякса) — по инвентарю сходен с погребениями жальничного типа 14—15 вв. в Йюуга.⁶⁸ Вместе с тем для них характерны и определенные отличительные черты — ожерелья из круглых бронзовых бляшек как почти обязательные украшения женского костюма, ключи в некоторых погребениях и очень малое число фибул. Круглые нагрудные бляшки в это время носили именно эстонские женщины,⁶⁹ ключи же для эстонских грунтовых могильников 12—17 вв. не свойственны. Своеобразие погребального обряда (каменная кладка над могилой) и состав погребального инвентаря пока не имеют аналогов ни в Эстонии, ни на территории к востоку от Чудского озера.

Краниологических материалов из рассматриваемых могильников пока немного. Черепа из Вялги в целом сходны с черепами из Северного Причудья, но все же отличаются от них большей брахикранныостью, более узким лицом и более отчетливым проявлением монголоидной примеси.⁷⁰ Р. Я. Денисова включает вялгские черепа в узколицый антропологический тип, характерный, по ее мнению, для ливов и эстонцев. Она и называет вялгские черепа эстонскими.⁷¹ Следует, однако, отметить, что узколицие эстонцы характеризуются долихокранностью, значительно более высоким лицом и большей высотой базнон-брегма. В отличие от узколицих эстонцев, у населения Вялги наблюдается значительная монголоидная примесь. Сходство с ливскими черепами несколько большее, но различия в высоте лица и черепном указателе все же очевидны.⁷²

Представляется, что по многим признакам вялгские черепа имеют сходство с черепами из могильников среднего течения р. Плюссы и из Ново-Сиверской, Горцов и Волотово, которые В. Седов относит к сублапоноидному варианту урало-лапоноидного типа и, в отличие от Н. Н. Чебоксарова, считает неславянскими.⁷³ Данные черепа отли-

⁶⁶ Марк К. Антропология прибалтийско-финских народов, табл. 46.

⁶⁷ Сапан Г. Материалы по одонтологии Эстонии. — Вопросы антропологии, 1977, вып. 57, с. 163.

⁶⁸ Лиги П. Новые открытия в Северном Причудье. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1985, № 4, с. 368, 369.

⁶⁹ Tõnisson, E. Eesti aardeleidud 9.—13. sajandist. — В кн.: Muistsed kalmed ja aarded. Tallinn, 1962, с. 220—223; Selirand, J. Eestlaste matmiskombed varafoodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn, 1974, с. 152, 153.

⁷⁰ Марк, К. Ida-Eesti rahvastiku antropoloogia, с. 152, 153.

⁷¹ Денисова Р. Я. Этногенез латышей. Рига, 1977, с. 170.

⁷² Ср.: Денисова Р. Я. Этногенез латышей, табл. 41; Марк, К. Ida-Eesti rahvastiku antropoloogia, табл. 6.

⁷³ См.: Чебоксаров Н. Н. Ильменские поозеры. — Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, I. М., 1947, табл. 9, с. 264—266; Седов В. В. Антропологические типы, с. 78.

чаются от вялгских главным образом большей грацильностью и меньшим наклоном лба.

По всей видимости, грунтовые могильники с каменной кладкой принадлежат южноводским или близкородственным води племенам. Отсутствие в Западном Причудье более ранних погребальных памятников, генетически связанных с ними, заставляет пока рассматривать их как погребальные памятники пришлого с востока населения.

Несколько слов о прибрежной части Северо-Восточной Эстонии. О погребальных памятниках 11—13 вв. из ее самой восточной части (Вайвара) пока мало сведений. Известны только некоторые случайные находки, на основе которых судить о возможном своеобразии здесь материальной культуры по сравнению с остальной Эстонией не представляется сейчас возможным. Краниологический материал из прибрежной части Северо-Восточной Эстонии восходит к 17—18 вв. (Кохтла-Ярвская серия). Тамошные черепа очень сходны с ийзакускими.⁷⁴ Явные восточные черты наблюдаются и в соматологическом материале.⁷⁵ По-видимому, и в начале II тыс. население рассматриваемого района антропологически лишь немногим отличалось от води к востоку от р. Наровы.

В заключение можно сказать следующее. Насколько позволяют судить комплексные данные смежных дисциплин, в древности в Северном Причудье обитало водское население. Начиная с конца 11 в. ареал заселенности здесь расширяется, водью осваиваются земли на Ийзаку-Иллукасских озовых грядах. В культуре и физическом типе местного населения, несмотря на некоторое изменение в его этническом составе в более позднее время, очень долго сохранялись определенные водские черты. В остальной Северо-Восточной Эстонии и в Восточной Эстонии в I тыс., видимо, обитали племена, близкие по языку и культуре «чудским» племенам к востоку от р. Наровы и Чудского озера. По-видимому, в последние века I тыс. в Западное и Северное Причудье переселяются немногочисленные группы с территорий этих племен. Можно думать, что подобные по масштабу и направлению миграции имели место и в конце 13 — начале 14 вв. Возможно, что все эти переселенцы говорили на диалектах, которые можно назвать южноводскими. Обитая чересполосно с эстонцами, переселенцы со временем ассимилировались. Каков был их вклад в культуру и антропологический состав восточных эстонцев, пока судить трудно. В прибрежной части Северо-Восточной Эстонии еще в 16 в., кажется, не существовало четкой этнической границы между эстонцами и водью. Переселение же в Эстонию отдельных водских семей происходило и в период позднего средневековья, и даже позднее.

⁷⁴ *Mark, K.* *Ida-Eesti rahvastiku antropoloogiline koostis*, с. 159, 164, 165, 168.

⁷⁵ *Марк К.* *Антропология прибалтийско-финских народов*, с. 41, 42, табл. 46; *Ауль Ю.* *Антропология эстонцев*, с. 347—349, рис. 65.

Представил Ю. Какх

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
5/VII 1985

VADJALASTEST EESTIS

Artiklis on antud ülevaade Kirde- ja Ida-Eesti vadjaraste kultuurijoonte uurimisest. Kirjalike allikate, keele, toponüümika, etnograafia, folkloori, arheoloogia ja antropoloogia andmete põhjal on jõutud järeldusele, et enamik kirjanuses mainitud vadjarasusi seletub ennekõike vadjalaste ja Kirde- ning Ida-Eesti rahvastiku ühise päritoluga. Vadja immigratsiooni mõjust on põhjust rääkida eelkõige Peipsimaa põhjaosa puhul.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saanud
5. VII 1985

Priit LIGI

VOTES IN ESTONIA

Data of several branches of science point to Votic traits in the culture of the population in the eastern and north-eastern part of Estonia. In studies of history they have been explained either by a Votic immigration during the prehistoric ages or by the common origin of East-Estonian and Votic tribes. Tracing the origin of those traits of culture characteristic of the Votes is important for archaeologists because in the northern and western part of the area surrounding Lake Peipsi there are barrows whose main area of distribution lies in the north-west of Russia, and about the ethnic origin of which researchers are of different opinions.

This paper aims at a general survey of the present state of the studies of the subject discussed.

According to the written evidence of the 15th and 16th century one could find Votes living in Narva, in its surroundings and in the north of the Peipsi area. Judging by the names of some north-eastern and eastern Estonian peasants and farmsteads, some new Votic settlers from the east arrived there during the 16th and 17th century.

According to linguistic data, the north-eastern coastal dialects and the eastern dialect of Estonian have some common features with the Votic language. The distribution area of the eastern dialect coincides to a great extent with the borders of the ancient Estonian Vaiga district, the name of which is associated with the ethnonym of the Votes. Some village names in the northern Peipsi area may be of Votic origin. From the archaeological point of view it is noteworthy that there are no village names of Russian origin among the early settlements in that district.

According to ethnographic data one may most often observe common features with the Votes in the national costume and in the rural architecture of the northern Peipsi area. Common features can also be observed in the folklore of the Votic area and in that of North-East and East Estonia.

The sparse sand barrows with cremations found in the north and west of the Peipsi area should belong to the immigrants of eastern Balto-Finnic origin, whose Votic origin will still remain disputable for the present. The later barrows with corpse burials (1st half of the 2nd millennium) in the north of that area belong mainly to the Votic immigrants. Their Votic origin is confirmed by anthropological data, by the Balto-Finnic burial mittens found in a number of graves, by the character of grave deposits, by the orientation of the early burials and the peculiar above-ground cremation burials from the period preceding barrows. The stone-covered pit graves in the western Peipsi area (14th—15th century) probably belong to the new southern Votic immigrants settling among Estonians.

By the present state of studies it seems most probable that the East- and North-East-Estonian cultural features resembling those of the Votic culture can first and foremost be explained by the common origin of the local and the Votic population, since there was still no clear ethnic border as late as the end of the Middle Ages. We may be justified to speak about the influence of the Votic immigration in case of the northern Peipsi area that was inhabited by the Votes during the prehistoric times.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Received
July 5, 1985